

А. В. Прокофьев*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭВОЛЮЦИОННОГО АРГУМЕНТА В НОРМАТИВНОЙ ЭТИКЕ: PRO ET CONTRA

СПОР О НОРМАТИВНОМ ЗНАЧЕНИИ ВЫВОДОВ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ

В центре внимания в данной статье будет находиться тезис о том, что исследование эволюционных корней морали заведомо безразлично (или нейтрально) по отношению к нормативной этике. Это утверждение часто воспроизводится в современной этической мысли в разных контекстах и с разным отношением к такой нейтральности. К примеру, в теоретической перспективе, заложенной Дж. Э. Муром, любые попытки перейти от анализа укорененности моральных требований в биологической природе человека к утверждению, что они должны исполняться всеми, или к доказательству того, что одни принципы морали точно выражают нравственный долг, а другие нет, являются нарушением фундаментальных правил этического исследования. От рассуждения о том, что «есть» и «было», никак нельзя перейти к рассуждениям о том, что мы должны делать. Привнесение аргументов от эволюционной истории человечества в нормативно-этическое рассуждение выступает как одна из форм натуралистической ошибки и поэтому находится под запретом¹.

Та же самая мысль может быть выражена не в форме утверждения об изначальной порочности попыток увязать эволюционную этику и нормативное этическое рассуждение, а в форме сожаления по поводу их заведомой неудачи. Так, американский философ К. Корсгаард не только не осуждает поиск подлинно-

го содержания нравственного долга, но даже рассматривает в качестве центральной задачи этики решение так называемого нормативного вопроса. Нормативный вопрос будет решен, если этикам удастся создать такое объяснение моральных ценностей и принципов, которое одновременно являлось бы их убедительным обоснованием. Другими словами, К. Корсгаард убеждена, что обсуждение истоков нравственной нормативности может и должно убеждать нас в ее обязывающей силе, а также корректировать наше представление о ее содержании. Проблема лишь в том, что эволюционная этика лишена такого потенциала. Она проясняет фактический генезис морали, но ничего не может сказать моральному субъекту в ситуации выбора им наилучшего поступка. Эволюционно-генетические и социально-регулятивные теории морали, замечает К. Корсгаард, к сожалению, не могут совместить «объяснительную» и «обосновательную» адекватность². В этом они уступают концепциям, апеллирующим к независимому существованию ценностей или к имманентным потребностям человеческой практики. Поэтому основными героями ее работы «Истоки нормативности», вызвавшей горячую полемику в англо-американской этической мысли, оказываются С. Пуфендорф, С. Кларк и, конечно, И. Кант, но никак не Г. Спенсер, Ч. Дарвин или П. А. Кропоткин.

Однако ни убежденным метаэтикам — наследникам Дж. Э. Мура, ни К. Корсгаард не удалось поставить точку в вопросе о нормативном значении исследований в области биологиче-

¹ Прообраз этого рассуждения содержится во второй главе «Принципов этики» Дж. Мура «Натуралистическая этика» (см.: Мур Дж. Э. Принципы этики // Мур Дж. Э. Природа моральной философии. М., 1999. С. 74–85).

² Korsgaard C. M. Sources of Normativity. Cambridge, 1996. P. 14–16.

© Прокофьев А. В., 2016

* Прокофьев А. В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора этики Института философии РАН

ской эволюции, в частности эволюции человека. Об этом ярко свидетельствует оформление в последние 10 лет в современном утилитаризме теоретического проекта, который, по мнению его разработчиков, заставляет данные об эволюционном прошлом человека работать в качестве аргумента в пользу одной из нормативно-этических позиций. Пользуясь языком метаэтики, этот проект преодолевает разрыв между «есть» и «должен». Именно рассуждение об эволюционных истоках разных моральных требований в его рамках должно способствовать выбору между ними. Широко известный этик-утилитарист П. Сингер в своей программной статье 2005 г. «Этика и интуиция» и менее известный шведский исследователь Т. Тансье в книге 2015 г. «Лишение жизни: Три теории в этике убийства» представили обращение к эволюционной истории человечества как важную часть своей критики деонтологической этики³. Для того чтобы прояснить логику этого проекта, необходимо сделать несколько предварительных замечаний об общем теоретическом контексте проекта П. Сингера и Т. Тансье.

УТИЛИТАРИЗМ VERSUS ДЕОНТОЛОГИЯ

Противостояние утилитаризма и этики деонтологического типа задано прежде всего различным отношением теоретиков к вопросу о том, какую роль играют последствия определенного действия при решении вопроса о его моральной правильности или неправильности. Утилитаризм настаивает на том, что именно характер последствий легитимизирует и делегитимизирует поступки или правила. Если действие приводит к такой ситуации, в которой достигается максимально возможный перевес блага над злом, то оно имеет нравственную санкцию, является должным или по крайней мере морально одобряемым. При этом в качестве блага, количество которого в мире призван увеличивать любой стремящийся к нравственному совершенству человек, утилитаризм рассматривает счастье, удовольствие или удовлетворение предпочтений. Так

как условием любого из этих позитивных явлений служит жизнь, то утилитарист считает обязательным обеспечивать сохранение жизни. В большинстве ситуаций, в которых приходится действовать моральным субъектам, от их поступков зависят удовольствие, счастье или удовлетворение предпочтений не одного человека, а многих людей, и редко обстоятельства складываются так, что одним и тем же действием можно способствовать благу всех затронутых лиц или всех затронутых лиц в равной мере. В силу этого утилитаризм вынужден разрабатывать такие принципы действия, которые не парализуют моральную деятельность, позволяя осуществлять выбор между потерями и приобретениями разных людей, включая самого деятеля. В упрощенном виде нормативную программу утилитаризма можно свести к двум положениям:

- 1) суммируй все продвигаемые или нарушаемые твоими потенциальными действиями интересы (причиняемые ими удовольствия и страдания, а также жизни, которые в их результате будут потеряны или спасены) и выбирай то действие, которое обеспечивает наибольшую сумму;
- 2) при суммировании соблюдай строгую беспристрастность — интересы одного человека должны для тебя иметь такой же вес, как и интересы другого⁴.

Этика деонтологического типа настаивает на том, что суммирование интересов, переживаний, жизней не может решить вопрос о содержании нравственного долга в конкретной ситуации. Ее представители считают, что такое суммирование либо вообще недопустимо, либо должно осуществляться в рамках жестких внешних ограничений, заставляющих морального субъекта не обращать внимание на последствия (не только для себя, но и для других). В качестве внешних ограничений выступают некие однозначные требования (преимущественно запреты), исполнение или неисполнение которых можно определить по самой форме поступка. Так, убийство, ложь, прелюбодеяние могут быть идентифицированы без анализа их ближайших и отдаленных результатов.

³ См.: *Singer P. Ethics and Intuitions // Journal of Ethics. 2005. Vol. 9. № 3–4. P. 331–352 ; Tannsjo T. Taking Life : Three Theories on the Ethics of Killing. Oxford, 2015.*

⁴ Общий обзор нормативной этики утилитаризма см.: *Mulgen T. Understanding Utilitarianism. Stocksfield Hall, 2007 ; Bykvist K. Utilitarianism: a Guide for the Perplexed. L., 2010 ; Eggleston D., Miller D. E. (eds.). Cambridge Companion to Utilitarianism. Cambridge, 2014.*

Если форма поступка такова, что она указывает на его запрещенный характер, то уже не имеет значения, увеличивает ли этот поступок общее количество блага в мире или нет, его все равно нельзя совершать. Даже если огромное количество людей станут несчастны либо погибнут в итоге подобного самоограничения. Как правило, запреты защищают интересы и достоинство какого-то отдельного человека (того, кого при их нарушении могли бы убить или обмануть), и эта защита распространяется не только на те случаи, когда убийство или ложь приносят убийце или лжецу личную выгоду, но и на те, в которых такие действия могли бы стать инструментом реализации самых возвышенных альтруистических мотивов. Характер безусловно запрещенных поступков в разных деонтологических концепциях различен (они часто не сходятся в том, что есть убийство или ложь), но общая структура, предполагающая полное или частичное пренебрежение благотворными последствиями действий, едина.

Одним из главных пробных камней в споре современного утилитаризма с современной деонтологической этикой является их реакция на целый кластер воображаемых ситуаций, которые являются вариациями предложенного Ф. Фут кейса «Трамвай» (trolley). В центре внимания этиков находится соотношение двух базовых случаев: собственно «Трамвай» и «Пешеходный мост». В первом случае у стоящего у стрелки прохожего есть возможность спасти пять человек от движущегося на них трамвая, но достигнуть этого можно, только заплатив высокую цену: перенаправив трамвай в сторону одного человека, который при этом неминуемо погибнет. Во втором случае спасти пятерых от движущегося трамвая можно лишь сбросив на рельсы прохожего, идущего над ними по пешеходному мосту. Падение его тела остановит движение трамвая. Для того чтобы исключить для действующего лица возможность принести в жертву самого себя, вводится предположение, что сбрасываемый на рельсы человек очень массивен, а потенциальный

спаситель, напротив, очень легок, и падение его тела трамвай не остановит. Другое обозначение этого мысленного эксперимента — «Толстый человек»⁵.

Многие сторонники деонтологической этики полагают, что в первом случае спасение пяти человек или допустимо (то есть переключение/непереключение стрелки находится в сфере произвольных, предельно индивидуализированных решений человека), или даже обязательно, а во втором случае — абсолютно недопустимо. Основанием этого вывода служат именно те принципы, которые не сводятся к суммированию потерь и приобретений всех заинтересованных лиц, а в некоторых ситуациях — прямо его запрещают. Попытки выявить содержание моральных требований, определяющих оценку действий спасителя в мысленных экспериментах «Трамвай» и «Пешеходный мост», ведут исследователей в разных, хотя и не расходящихся категорически направлениях.

Одни полагают, что различия в оценке связаны с запретом на совершение намеренных действий, влекущих вред другому человеку. Тогда отношение к толстому прохожему на пешеходном мосту следует рассматривать как нарушение безусловного запрета на намеренное убийство, а причинение смерти человеку, стоящему в тупике, — как своего рода ненамеренное убийство, то есть причинение смерти, не входящее в замысел поступка. Данное понимание границ между намеренным и ненамеренным поведением предложил еще Фома Аквинский в «Сумме теологии», и оно стало важным основанием моральной теологии католицизма, получив название «доктрина двойного эффекта». На сегодняшний день эта доктрина используется вне специфического теологического контекста в биоэтике, этике чрезвычайных ситуаций и теории справедливой войны⁶.

Другие представители деонтологической этики формулируют требования, приостанавливающие подсчет спасенных и потерянных жизней, вне зависимости от вопроса о намеренности действий. Они полагают, что такие

⁵ Случай «Трамвай» появляется в работе Ф. Фут, посвященной проблеме аборта (*Foot P. The Problem of Abortion and the Doctrine of Double Effect // Oxford Review. 1967. № 5. P. 5–15*). Случай «Пешеходный мост» предложен Дж. Дж. Томсон (*Thomson J. J. Killing, Letting Die, and the Trolley Problem // Monist. 1976. Vol. 59. P. 204–217*).

⁶ Анализ историко-философских и нормативных аспектов доктрины двойного эффекта см.: Прокофьев А. В. Моральный абсолютизм и доктрина двойного эффекта в контексте споров о допустимости применения силы // *Этическая мысль. 2014. Вып. 14. С. 43–64*.

принципы запрещают определенное обращение с жертвой. Для них дело не в намерении, а в самом по себе отношении к другому, которое влечет за собой специфические, особенно тяжелые потери. Столкнуть толстого человека с моста — значит отнести к нему инструментально, пользуясь кантовским лексиконом, как к средству достижения цели. Несмотря на оправданность и возвышенность цели, такое отношение недопустимо по определению, оно представляет собой заведомое неуважение к его человеческому достоинству. Потеря жизни дополнена в этом случае потерей неприкосновенности личности. Тот же, кто по случайности оказался в тупике, средством достижения цели не является, и значит, неуважение к его человеческому достоинству отсутствует⁷.

НОРМАТИВНАЯ ЭТИКА И МОРАЛЬНОЕ ЧУВСТВО

Позиция деонтологической этики оказывается созвучна способам оценки драматических ситуаций, подобных случаям «Трамвай» и «Пешеходный мост», со стороны обладателей живого морального опыта — того, что психологи в последние годы называют «народными моральными суждениями» (убеждениями) или попросту «моральным чувством». В качестве синонима используется также понятие «моральная интуиция». Когда исследователи предлагают респондентам поставить себя на место потенциального спасителя пятерых человек из этих мысленных экспериментов или просто оценить совершенное спасителем действие, то они получают следующую картину. Несмотря на определенные расхождения показателей в разных культурных ареалах, существенное большинство испытуемых считают допустимыми действия спасителя в ситуации «Трамвай» и недопустимыми в ситуации «Пешеходный мост». Две оказавшихся в меньшинстве группы включают людей, которые либо не готовы

причинять смертельный вред ни при каких условиях, либо готовы делать это в любых случаях, если последствия достаточно хороши. При этом большинство, поддерживающее позицию этиков-деонтологов, оказалось неспособным сформулировать в общем виде те требования, которые заставляют их именно так оценивать предложенные ситуации. Его представители настаивали на правильности своих оценок в силу некоего непреодолимого внутреннего чувства правоты. При предъявлении им формулировок, соответствующих доктрине двойного эффекта, они с готовностью «узнавали» принципы, лежавшие в основе их выбора⁸.

В свете этих данных деонтологическая этика (исключая ее радикальные версии, подобные этике ненасилия) предстает как развернутый теоретический комментарий к моральному чувству — способ его прояснения и обоснования. Этики-деонтологи понимают это и часто избирают такую исследовательскую методологию, которая включает в качестве важного, если не центрального, пункта работу с интуитивными суждениями. Вслед за тезисом о необходимости доверия к моральному чувству они выдвигают тезис о необходимости выявления и согласования порожденных им интуитивных оценок. Одним из проявлений этого подхода является метод рефлексивного равновесия, предложенный принципиальным критиком утилитаризма — Дж. Ролзом — и подхваченный многими специалистами по нормативной и прикладной этике. Метод предполагает «челночное движение» между теоретически формулируемыми принципами и «нашими убеждениями о справедливости», в ходе которого изменяются как принципы, так и убеждения. Достижение точки равновесия между ними, в которой принципы точно объясняют интуитивные суждения по вопросам справедливости, а интуитивные суждения не противоречат принципам, означает, что задача нормативной этики временно решена⁹. Другим примером

⁷ Подробнее об этой нормативной логике см.: Прокофьев А. В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль : ежегодник. Вып. 9. М., 2009. С. 131–137.

⁸ См., напр.: Hauser M., Cushman F., Young L., et al. A Dissociation Between Moral Judgments and Justifications // *Mind and Language*. 2007. Vol. 22, No. 1. P. 1–21 ; Huebner B., Hauser M. D., Pettit Ph. How the Source, Inevitability and Means of Bringing About Harm Interact in Folk-Moral Judgments // *Mind & Language*. 2011. Vol. 26. No. 2. 210–233 ; Ahlenius H., Tannsjo T. Chinese and Westerners Respond Differently to the Trolley Dilemmas // *Journal of Cognition and Culture*. 2012. Vol. 12. P. 195–201. См. также: Хаузер М. Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М., 2008. С. 173–236.

⁹ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 33.

взаимодействия деонтологической этики и моральной интуиции служит методология еще одного критика утилитаризма — Ф. Кэмм. Она рассматривает частные интуиции как своего рода эмпирическое подтверждение теоретических обобщений по поводу принципов. Возможна лишь незначительная их коррекция, если между ними обнаруживаются слишком серьезные противоречия. В целом же уровень доверия интуитивным суждениям должен быть очень высок. «Я должна признать, — замечает она, — что если я обнаруживаю принцип, который, по видимости, объясняет мои суждения по поводу определенного случая и при этом моей первой реакцией на данный принцип оказывается вопрос: “Как *это* может иметь какое-то значение?”, то моей следующей реакцией бывает: “Я должна поразмышлять об этом глубже, потому что, похоже, я что-то упустила”»¹⁰.

С точки зрения утилитаристов, напротив, моральному чувству не стоит слишком доверять. В случае «Трамвай» оно дает ответ, который вполне соответствует результатам рационально-теоретического анализа нравственных ценностей и норм. Усредненный обладатель нравственного чувства реагирует на ситуацию как убежденный утилитарист и совершает выбор, способствующий сохранению большего количества человеческих жизней. А вот в случае «Пешеходный мост» его реакцию нельзя расценить иначе, как своего рода иррациональный предрассудок: он вносит в число фундаментальных моральных разграничений нечто, не имеющее к морали никакого отношения. И упорствует в своем заблуждении, ссылаясь при этом исключительно на внутреннюю убежденность. В этой связи ключевая задача нормативной этики — показать необоснованность деонтологических разграничений и объяснить их появление в качестве совсем не случайной, но от этого не менее грубой ошибки. Для П. Сингера выявление истоков деонтологических убеждений имеет хотя и важную, но все же вспомогательную роль. Ведь он полагает, что мы способны фиксировать предельно общие нормативные аксиомы морали не-

посредственно, не отталкиваясь при этом от частных убеждений. А вот для Т. Тансье, который пользуется в целом той же методологией, что и Ф. Кэмм, вопрос о происхождении неутилитаристских убеждений — однозначно ключевой. Т. Тансье полагает, что утилитаризм в разных его модификациях позволяет объяснить все интуитивные суждения или хотя бы их подавляющее большинство¹¹. Для него анализ интуиций, так же как и для Ф. Кэмм, является способом верификации утилитаристской этики. Поэтому антиутилитаристская реакция морального чувства на случай «Пешеходный мост» выглядит для него как досадное затруднение на пути обоснования утилитаризма. И он надеется, что обращение к вопросу о генезисе этой реакции может снять проблему. Если, конечно, ее генезис окажется таков, что апелляция к нему не поддержит, а разрушит репутацию безусловных деонтологических запретов.

ОТ НЕЙРОЭТИКИ К ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Именно в этой точке анализ эволюционных корней морали и начинает для утилитаристов вплетаться в работу по построению рационально обоснованной системы нравственных требований. Причем первый шаг, предпринимаемый ими, ведет даже не в сторону самой по себе теории эволюции или социобиологии, а в сторону нейропсихологии. П. Сингер и вслед за ним Т. Тансье обращаются к результатам экспериментов нейтроэтика Дж. Грина, проведенных им в соавторстве с другими исследователями. Дж. Грин сравнил разные параметры мозговой деятельности людей, которые отвечают на вопросы, связанные с «проблемой трамвая»¹². И тех, кто находится в большинстве, говоря «да» в первом случае и «нет» — во втором. И тех, кто отвечает в обоих случаях «нет». И тех, кто принимает утилитаристскую позицию и готов спасти большинство в любой ситуации. Ключевые результаты экспериментов были таковы. Респонденты, принимавшие антиутилитаристское решение, делали это предельно быстро, а те, кто выби-

¹⁰ In Search of the Deep Structure of Morality. An Interview with Frances Kamm // Voorhoeve A. (ed.) Conversations on Ethics. N. Y., 2009. P. 29.

¹¹ См.: Tannsjo T. Taking Life : Three Theories on the Ethics of Killing. P. 1–18.

¹² Так в литературе принято называть все исследовательское пространство, связанное с эмпирическим и нормативно-теоретическим анализом мысленных экспериментов, касающихся спасения большинства.

рал спасение большинства — с существенной задержкой. Время, согласно Дж. Грину, требовалось им по двум причинам. Во-первых, для развертывания во внутреннем плане некоего рассуждения от общих нормативных посылок к выводам, касающимся конкретной ситуации. Респондент-утилитарист или респондент, который допускает возможность в конкретном случае применить утилитаристскую логику, сначала формируют нейтральное описание определенной ситуации, а потом проецирует на него какой-то общий принцип, придающий ей моральную значимость. Респондент-деонтолог или респондент, который применяет деонтологическую логику для некоторых, избранных практических контекстов, воспринимают ситуацию как изначально морально заряженную и сразу же реагируют на ее нравственное качество однозначным «нельзя». Во-вторых, задержку ответа порождает необходимость подавления автоматических реакций, мощных эмоциональных стоп-сигналов, затрудняющих причинение вреда другому человеку. Даже закоренелые утилитаристы сталкиваются с их действием и должны преодолевать возникающую в этой связи внутреннюю раздвоенность. Кроме того, Дж. Грин установил, что антиутилитаристское решение сопровождалось активностью зон мозга, отвечающих за эмоции, а утилитаристское — тех зон, которые отвечают за рациональное рассуждение (когнитивную деятельность)¹³. Дж. Грин не случайно назвал работу, дающую философскую интерпретацию его собственным эмпирическим находкам, «Тайная шутка Кантовой души». Если принять точку зрения Дж. Грина, то гиперрационалистическая и суперрефлексивная концепция И. Канта неосознанно отражает результаты работы эмоциональных и интуитивных механизмов человеческой психики.

Уже сам Дж. Грин предложил определенную эволюционную гипотезу, объясняющую полученные им экспериментальные данные. В рамках этой гипотезы утилитаристская логика представляет собой более позднее эволюционное образование. А наиболее древним

и автоматически действующим механизмом морального опыта являются непосредственные реакции: «нельзя», «запрещено», «табу», лежащие в основе деонтологической этики. При этом формирование автоматических стоп-сигналов связано со специфическими особенностями угроз групповой солидарности и, значит, групповому выживанию, существовавших на ранних этапах эволюционной истории человечества. Ситуация давно существенно изменилась, а эмоциональные реакции остались теми же. Деонтологическая этика, таким образом, выступает как форма оправдания и апологии эволюционной ригидности.

В более полном изложении картина, предложенная Дж. Грином, такова. Мы наделены системой автоматического негативного реагирования на те формы насилия, которые особенно важны для примитивной группы гоминидов, то есть на причинение смерти кому-то из своих при непосредственном контакте с ним («up close and personal violence»). Такие реакции в нас настолько сильны, что рациональное утилитаристское рассуждение просто не может включиться в процесс принятия решений. Именно это мы видим в случае «Пешеходный мост». А там, где насилие безлично и дистанцировано, столь же мощные стоп-сигналы эволюционно не сформировались, поскольку для наших предков вопрос регулирования такого насилия не мог стоять на повестке дня в качестве центрального. Грубо говоря, первобытный человек не убивал своих сородичей с помощью трамваев, перенаправляемых на стрелке. Он делал это в тесной схватке со своим оппонентом, используя кулаки и простейшие орудия. В итоге эмоциональная реакция на дистанцированное насилие у его наследников оказывается не столь сильной. Она оставляет просвет для утилитаристского рассуждения, которое в итоге побеждает. Что и наблюдается в случае «Трамвай»¹⁴. Деонтологическая этика принимает эту ситуацию как данность, ищет ее глубинный рациональный смысл, не видя внешних по отношению к моральным ценностям причин ее возникновения. Сам Дж. Грин

¹³ См.: *Greene J. D., Sommerville R. B., Nystrom L. E., et al.* An fMRI Investigation of Emotional Engagement in Moral Judgment // *Science*. 2001. Vol. 293. P. 2105–2108 ; *Greene J., Haidt J.* How (and Where) Does Moral Judgment Work? // *Trends in Cognitive Sciences*. 2002. Vol. 6. № 12. P. 517–523 ; *Greene J. D.* The Secret Joke of Kant's Soul // *Sinnott-Armstrong W. (ed.). Moral Psychology. Vol. 3 : The Neuroscience of Morality: Emotion, Brain Disorders, and Development.* Cambridge, 2008. P. 35–80.

¹⁴ *Greene J. D.* The Secret Joke of Kant's Soul. P. 43–44.

не рассматривает эту аргументацию в качестве способа разрешить спор деонтологии и утилитаризма в пользу последнего. Он понимает, что деонтологическая этика предстает в свете его исследований как изощренная *ad hoc* аргументация, пытающаяся случайным психологическим и эволюционным факторам придать решающее нормативное значение. Но это не свидетельствует, с его точки зрения, в пользу правоты ее философских оппонентов. Иного мнения придерживаются сами утилитаристы.

П. Сингер в этой связи замечает: «Очень мало смысла в том, чтобы строить моральную теорию, строго соответствующую тем продуманным моральным суждениям, которые сами возникли в ходе эволюции как ответ на то особое положение, в котором мы и наши предки находились в период своего эволюционного становления в качестве общественных млекопитающих, приматов и, наконец, людей»¹⁵. Единственная альтернатива состоит в поиске общих «этических аксиом», то есть «утверждений, обладающих действительной ясностью и достоверностью». Среди них присутствует следующий тезис: хотя причинение смерти есть зло, но вынужденное причинение смерти одному человеку лучше, чем смерть многих¹⁶. Т. Таннсье также близок к этому выводу. Он рассматривает негативные реакции на контактное насилие в качестве своего рода моральной эвристики, но, как известно, любая эвристика — это полезное упрощение, которое годится для многих, но не для всех случаев¹⁷.

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ СКЕПСИСА В ОТНОШЕНИИ УТИЛИТАРИСТСКОГО ПРОЕКТА

Существует целый ряд причин для скепсиса по поводу утилитаристского теоретического проекта. Назову лишь три возможных контраргумента против него.

1. Разница случаев «Трамвай» и «Пешеходный мост» не соответствует различию между контактным и дистанцированным применением силы. Самая простая иллюстрация этого факта состоит в том, что мы можем легко представить себе дистанцированные способы столкновения человека с моста (например,

посредством механизма, открывающего под ним люк, активация которого производится на сколь угодно дальнем расстоянии). И это не изменяет негативную квалификацию действия обладателями общераспространенного морального чувства. Таким образом, моральное чувство реагирует не столько (или не только) на персонализированность и пространственную близость потенциального насильственного действия, сколько на причинно-следственную структуру ситуации. Его реакция вполне может быть необоснованной, но определяется явно не только эволюционными факторами.

2. «Моральные аксиомы» П. Сингера не избегают той же участи, что и деонтологические разграничения его оппонентов. Они тоже могут быть представлены как требования, не имеющие морального значения и связанные исключительно с ситуативными потребностями эволюции человека. Так, требование «всегда спасай пятерых за счет гибели одного» можно рассматривать как оптимальную стратегию выживания малой группы. И значит, не исключено, что именно генетическое наследие тех времен, когда человек жил малыми группами, скрывает от нас какие-то подлинные аксиомы морали, например, что потеря одной жизни так же трагична, как потеря множества жизней, или что любое причинение вреда другому человеку находится под абсолютным запретом. Это обстоятельство не свидетельствует в пользу утилитаристской позиции или против нее, но оно явно выбивает из рук утилитаристов такое оружие, как аргумент от эволюции человека.

3. Экспериментальные данные Дж. Грина, возможно, не безупречны. Во всяком случае, существуют психологические факты, которые не подтверждают его выводы о локализации в мозге и об эволюционном возрасте различных психологических механизмов морали. Например, об этом свидетельствуют исследования воздействия алкоголя на решение задач, связанных с «проблемой трамвая». Согласно их результатам, пьяные люди проявляют себя гораздо большими утилитаристами, чем трезвые, хотя алкоголь известен как средство раскрепощения эмоциональных импульсов и самых архаических слоев человеческой психики. Это означает, что приписывание утилитаристской

¹⁵ *Singer P. Op. cit. P. 348.*

¹⁶ *Singer P. Op. cit. P. 350.*

¹⁷ *Tannsjo T. Taking Life: Three Theories on the Ethics of Killing. P. 72.*

логике принятия решений статуса эволюционного новообразования и проявления освобожденной от ослепляющих эмоций моральной рациональности оказывается под сомнением вместе со всеми далеко идущими теоретическими обобщениями, опирающимися на него¹⁸.

Таким образом, судьба утилитаристского проекта П. Сингера и Т. Тансье является серьезным, хотя и сугубо негативным подтверждением тезиса о нейтральности данных эволюционной биологии по отношению к спорам в нормативной этике.

¹⁸ Duke A. A., Bègue L. The Drunk Utilitarian: Blood Alcohol Concentration Predicts Utilitarian Responses in Moral Dilemmas // *Cognition*. 2015. Vol. 134. P. 121–137.